

ПЕРВЫЙ ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (сентябрь 1948 – август 1949 г.)

7 сентября 1948 г. В.Г. Кузнецова откочевала от Ванкаремской ярмарки со стойбищем Тымнэнэнтына (и Тымнэлкота). Тымнэнэнтын кочевал с частью стада, караван состоял из 69 нарт. Летнее стойбище находилось в 60–70 км от Ванкарема на правом берегу Амгуэмы за рекой Рекууль (правый приток реки Ванкарем). Эта первая кочевка, казалось бы, должна была произвести на В.Г. Кузнецову сильное впечатление. Но дневниковые записи эмоциями не окрашены (рис. 31, 32, 33, 34, 35).

16 сентября 1948 г. В.Г. Кузнецова впервые вошла в полог чукотской яранги (рис. 36).

16 сентября 1948. <...> Пришли в ярангу Тымнэнэнтына поздно, в 10-м часу вечера, было темно. Жена Тымнэнэнтына Уакай разожгла костер, поставила чай. Предложила колбасу — рорат¹ и сушеное мясо. Чай пили без сахара.

1 Рорат – четвертый желудок оленя, колбаса из вареного мяса оленя.

Рис. 31. С большим напряжением олени везут тяжелые нарты по бесснежной кочковатой тундре. Возвращение с ярмарки в стойбище. 15 сентября 1948 г., река Рыкуль. МАЭ РАН. И 1454-227

Рис. 32. Возвращение оленных чукчей с обменной ярмарки. Вблизи матерчатой палатки стоят грузовые нарты с нерпичьи жиром, полученным от приморских чукчей. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-392

Рис. 33. Матерчатая походная палатка (манэгран) кочевых чукчей. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-393

Рис. 34. Приставленные одна к другой грузовые нарты образуют загородку, в которую загоняют отделенных от стада ездовых быков, впрягаемых в нарты перед кочевой. На ближайшей нарте лежит свернутая конвертом лахтачья шкура. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-230

Рис. 35. Виден лес рогов оленей, загнанных в загородку, сооруженную из нарт с целью отбоя упряжных быков, впрягаемых в грузовые нарты перед кочевкой. Перед входом в загородку в ряд стоят люди, отгоняющие рвущихся к выходу оленей. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-228

Рис. 36. Яранга Тымнэнэнтына со стороны входа. 20 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-245

Затем хозяйка сварила мясо. <...> Уже поздно вечером впервые вошла во внутрь чук[отского] полога (также Пэглят с детьми). Уакай внесла светильник, чайник, поднос, ящик с посудой. В пологе пили чай (на подносе потом стоял эчулгын¹ рядом с миской мяса). Уакай, ее сын лет девяти, две девочки Пэглят спали голые. Пэглят в майке и трико, я в сорочке. Легли все в ряд — я с одного края, с др[угого] края: хозяйка и сын, Пэглят с детьми посередине. Светильник погасили. В пологе висят веревки справа и слева, куда мы повесили свои вещи. У задней стены на веревке висели два бубна — большой и маленький. В пологе тепло. Чотчот² положены в ряд при входе в полог, т[ак]ч[то] спят (так и мы спим) головами к выходу (обычное положение). На ночь в полог внесли 2 эчулгын, светильник, поднос, чайник и ящик с посудой после чаепития не выносили. Эчулгын заносят вовнутрь полога, после пользования выставляют в чоттагын у изголовья. Входную дверь в ярангу закрыли [Кузнецова 1948–1951: 334].

Путь стойбища лежал к Амгуэме, на противоположном берегу которой (в районе озера Экитыки, одноименной реки и ее притока Энгергын) располагались осенние и весенние пастбища, и далее на запад к зимним пастбищам (рис. 37, 38, 39, 40).

Дважды в год караваны Тымнэнэнтына пересекали Амгуэму в районе горы Вусвынэй и одноименной реки (приток реки Рекууль), и соответственно некоторое время стойбище находилось в непосредственной близости от Амгуэмы и от проходящей вдоль реки трассы Эгвекинот — Иульгин. Во время пребывания В.Г. Кузнецовой на Чукотке эта трасса (автомобильная дорога) была достаточно оживленным местом, она строилась именно в 1946–1951 гг. силами заключенных ЧукотЛага. На трассе располагался и часто упоминаемый в дневниках «87 километр» (или поселок Амгуэма) — Дальстроевский населенный пункт, центр цивилизации. Здесь стояли фанерные, обложенные землей дома, было электрическое освещение, на улице —

1 Эчулгын — ночной горшок.

2 Чотчот — изголовье, валик (обыкновенно из узких и длинных мешков, набитых рухлядью).

Рис. 37. Сборы в стойбище перед началом осенней кочевки от морского побережья в глубинную часть тундры. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-252

Рис. 38. Сборы к осенней кочевке. С яранги снято покрытие, стоит один остов жилища. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-246

Рис. 39. Перед оставлением места летовки. Сборы к осенней кочевке. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-247.

Рис. 40. Укладка вещей на нарты перед кочевкой. Справа находится кочевая кибитка с еще не покрытым ровдугой остовом. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-248

электрические фонари, были Дом культуры с красным уголком, магазин, баня.

Тымнэнэтын медлил перебираться на другой берег Амгуэмь. В конце сентября стойбище все еще находилось вблизи трассы, и Варвара Григорьевна без труда могла его покинуть. Очевидно, Тымнэнэтын ждал именно этого. Приемлемый в его представлении срок гостевания русской женщины в его доме

подошел к концу, и обитатели стойбища, а также ее сопровождающие всячески давали ей это понять. До этого момента записи в дневнике эмоционально вполне позитивны, но уже 27 сентября В.Г. Кузнецова замечает, что «пришлась не ко двору» в стойбище Тымнэнэнтына [Кузнецова 1948–1951: 334]. Она подумывает о том, чтобы перебраться в стойбище Тнарентыгыргына, но было совершенно неизвестно, когда он подкочует и подкочует ли вообще. Тут же и отношения с Айнэвтэгином, который и до этого был замкнутым и неразговорчивым, вдруг совершенно испортились. 30 сентября 1948 г. В.Г. Кузнецова записывает: «Айнэвтэгин совсем перестал со мной разговаривать». И 6 октября, желая переменить обстановку, Варвара Григорьевна на попутной машине в сопровождении все того же приставленного к ней Айнэвтэгина уехала на 87 километр. Ей очень хотелось проявить отснятые пленки. Сделать этого в Амгуэме не удалось, и она на попутной машине уехала дальше в Эгвекинот. Сопроводив подопечную в Эгвекинот, Айнэвтэгин посчитал свою миссию полностью выполненной и ее покинул. Она вернулась в Амгуэму, с 18 по 21 октября оставалась в поселке, пребывая в полной растерянности, не зная, что дальше делать. Продолжалась пурга, машины не ходили, Тымнэнэнтын уже откочевал на другой берег Амгуэмы. И тут появились, как уже называла их Варвара Григорьевна, «свои чукчи» — Ятгыргын и Нутэуги, которые привезли в поселок оленье мясо для обмена. С ними В.Г. Кузнецова и возвратилась в стойбище Тымнэнэнтына.

Похоже, что возвращение гости было неприятной неожиданностью для Тымнэнэнтына. Практически сразу же жена Тымнэнэнтына Уайкай стала настойчиво предлагать ей покинуть стойбище, пока это еще было возможно, ссылаясь на наступающую темноту, предстоящие длительные кочевки и тяжелые условия существования. По всей вероятности, в это время происходили события, вынудившие В.Г. Кузнецову на некоторое время покинуть ярангу Тымнэнэнтына¹.

В декабре 1948 г. Варвара Григорьевна жила в том же стойбище, но в яранге Кэргуги (Кэргутэ, Кергуге, Кергуги). У Кэргу-

¹ Записи за 3 ноября – 18 декабря 1948 г. отсутствуют. Дневник № 4 (по нумерации Кузнецовой) обрывается на полупhrазе.

Рис. 41. Молодой пастух Кэргүгэ из колхоза «Пионер» Чаунского района.
МАЭ РАН. И 1454-279

ги была жена Пэнэн'эут и двое детей — дочь Кэун'экай и сын Тэвлягыргын (рис. 41).

Обстановка в доме стала тяжелой, когда Кэргути привел в дом вторую жену Омрытвал. Свое решительное недовольство поведением мужа демонстрировала первая жена Пэнэн'эут, Кэргути настаивал на своем:

20 декабря 1948 г. <...> С тех пор как поселилась здесь Омрытвал (а Рэнтуги с Тын'энлиной ушли к Уакай), в доме стало ужасно. Пока нет дома Кэргуги, Пэнэн'эут разговаривает, смеется, как только он приходит — начинает с ним ссориться и ругаться. В его отсутствие она хорошо разговаривает с Омрытвал, а при нем еле-еле ей отвечает. Несколько раз жаловалась мне, что, если бы у нее не было

ребенка, да еще сына (у них пятимесячный мальчик Тэвлягыргын), она согласилась бы с тем, что Кэргуги привел вторую жену, но раз у них сын, она считает себя вправе возражать и не допустить в дом вторую жену. Пэнэн'эут сказала мне, пусть Омрытвал находится у нас в яранге, но не как жена Кэргуге. Второй довод — Омрытвал почти сестра Кэргуги. Эттытвал (старуха, живущая теперь у младшего сына Кэргыкай со взрослой своей дочерью в стойбище Алёля) была женой Гырголя (после смерти ее первого мужа Уттутагын), а Омрытвал дочь Гырголя и Уакай (теперь Уакай жена Тымнэнэнтына) [Кузнецова 1948–1951: 336].

29 декабря 1948. <...> Еще утром, до выхода из полога у Кэргуги и Пэнэн'эут была ссора. Раньше Кэргуги смеялся, отшучивался, а Пэнэн'эут была нападающей стороной. Теперь наоборот. Кэргуги был резок в разговоре, она же стала говорить плачущим голосом. Я спросила ее после ухода Кэргуги, чем закончился их разговор — ссора. Пэнэн'эут сказала, что Кэргуги больше не спрашивает ее, чтобы она с сыном осталась у него. (П[энэн'эут] стала пугать его, что уйдет с ребенком в Ванкарем), что пусть они уходят. П[энэн'эут] в это утро сказала мне, что уйдет к Таёгыргыну или Эттырэгыргыну (ее родственники) [Там же].

В начале января 1949 г. В.Г. Кузнецова вернулась к Тымнэнэнтыну.

4 января 1949. <...> Утром в пологе dokonчила свежевание волка. Вскоре она ушла за хворостом, мы с Омр[увакот] гаут, Кэун'экай и ребенком пошли в ярангу Уакай — кушать цилкэцил (рылкэрыл¹). Этот пустяковый факт определил перемену в моем местонахождении, к Пэн[эн'эут] я больше уже не вернулась, осталась в яранге Уакай [Кузнецова 1948–1951: 335].

1 Рилк'ырил, ямгарилк'ырил — содержимое оленьего желудка, блюдо из содержимого оленьего желудка, каша. В чукотском языке существует говор мужчин и говор женщин, различающийся произношением отдельных фонем, в частности фонемы /р/, которую женщины произносят /ц/.

Возвращение в ярангу Тымнэнэнтына совпало по времени с разъездами по стойбищам «бригады района» (В.П. Злобин, Д.И. Емельянов, В.П. Бурдиленко и др.). Вероятно, они напомнили Тымнэнэнтыну о поручении инструктора Чукотского райкома И.Ф. Гущина. В то же время приехавшие русские, представлявшие советскую власть, полагали, что В.Г. Кузнецовой необходимо вернуться с ними в поселок, и В.Г. Кузнецова как будто не возражала. По непонятным причинам разговор членов бригады с В.Г. Кузнецовой завершился не лучшим образом:

23 и 24 января [1949 г.]. <...>В этот же день утром у меня произошла размолвка с бригадой (со всеми тремя русскими) из-за моего выезда на 87 км с ними. Они отказались взять меня на свои нарты, сказали, чтобы я договаривалась с Тымн[енэнтыным] и ехала на оленях (Злобин бросил фразу: Нам-то безразлично). Я не стала больше упрашивать их, настаивать, а решила, что поеду в феврале с Тнэрэнтыгыргыном (он поедет на сессию). Они замолчали, Бурдиленко заметил: Если не поедите с нами, совсем не соберетесь. Анкауги¹ сходил к Тымнен[энтыну], сначала пообещали оленей, а потом передумали и сказали, что повезут меня после перекочевки. С этого дня мои отношения с бригадой совсем испортились, мы почти не разговаривали. Это отразилось и на вопросе оформления меня работником Красной яранги (челгыран) здесь в тундре. Бог с ними [Кузнецова 1948–1951: 335].

Таким образом, в 20-х числах января 1949 г., примерно через пять месяцев после начала полевой работы, не только Тымнэнэнтын и обитатели его стойбища, но и официальные лица, представлявшие на Чукотке советскую власть, решили, что на этом экспедиция В.Г. Кузнецовой должна завершиться. Приняв

¹ Имя председателя Амгуэмского сельсовета Анкауги часто мелькает в дневниках, когда речь идет о событиях, связанных с социалистическими преобразованиями, коллективизацией и т.п. Анкауги владел русским языком и был активным проводником и пропагандистом мероприятий советской власти. Именно с этим очень «передовым» чукчей связано забавное замечание в дневнике В.Г. Кузнецовой: «В прошлом году Анкауги сказал Номгыргыну, что и в Америке есть колхозы и что там продолжается колхозное строительство» [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349].

решение о продолжении полевой работы, В.Г. Кузнецова отправилась в длительное, несанкционированное, самостоятельное и полное опасностей «плавание».

Как это было принято в Ленинградской этнографической школе в 1920–1930-х годах, после нескольких лет обучения на этнографическом отделении Географического института (затем Ленинградского университета) молодые специалисты отправлялись в отдаленные районы Сибири, где их профессора когда-то начинали свою научную деятельность, будучи политическими ссыльными или участниками Сибиряковской и Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиций. Новое поколение российских сибиреведов начинало свою работу в качестве учителей национальных школ, низовых администраторов или работников культуры. Их учителя совершенно справедливо полагали, что наиболее благоприятно для работы в поле обстоятельства складываются в том случае, если исследователь занимает «определенное место» в производстве, в культурной или служебной работе среди местного населения, а не является только более или менее сторонним наблюдателем [Макрьев 1928: 9].

Именно так и вполне успешно (как было, очевидно, хорошо известно В.Г. Кузнецовой) вели полевую работу Е.А. Крейнович, С.Н. Стебницкий, Н.Б. Шнакенбург и многие другие [Антропова 1972; Гаген-Торн 1975; Колосовский 2002; Krupnik 1998: 206–207]. Такого же рода механизм организации длительной полевой работы, надо полагать, предусматривался и для В.Г. Кузнецовой. Была, как следует из текста приведенной выше цитаты, некая договоренность о работе в Красной яранге. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Трудно сказать, что стало причиной: какие-то объективные обстоятельства или личностные особенности В.Г. Кузнецовой. Утрата поддержки со стороны районной (партийной) администрации, отсутствие независимого социального статуса определили во многом всю дальнейшую экспедиционную эпопею Кузнецовой.

Зимой 1948–1949 г. Тымнэнэтын, похоже, продолжал надеяться, что Варвара Григорьевна покинет, наконец, его стойбище. К началу ноября, делая короткие кочевки уже по левому берегу Амгуэмы, он все медлил и не отходил далеко от реки, а затем и зимовал недалеко от Амгуэмы — вблизи реки Кайэнгыргын (приток Энгегыргына).

Что происходило далее этой первой экспедиционной зимой, мы не знаем из-за большого перерыва в записях: с 31 января по 20 мая 1949 г. Из записи от 21 мая 1949 г. следует, что В.Г. Кузнецова продолжала жить у Тымнэнэнтына.

21 мая стойбище Тымнэнэнтына подкочевало к Амгуэме, переправилось на правый берег реки и кочевало параллельно реке и трассе по направлению к «87 километру», затем маршрут стал отклоняться от реки в сторону гор, к истокам реки Рекууль. Поднялись вверх по левобережью Рекууля, перешли его левый приток и продолжили движение по левому берегу. На лето стойбище расположилось у реки Вучвун'эй (левый приток Рекууля), где и пребывало с 19 июня (рис. 42, 43).

Рис. 42. Старик Тымнэнэнтын и девушка Омрывакатгавыт удерживают крепкой жильной веревкой половину натянутого на ярангу покрытия. Весна 1949 г., кочевка с реки Энгыргын на правобережье реки Амгуэмы – на реку Вучвун'эй (левый приток реки Рыкууль). МАЭ РАН. И 1454-100

Записи за самый конец первого экспедиционного года (18 июля — 30 августа 1949 г.) отсутствуют. Дневник за этот период пропал:

5 окт[ября] [1949 г.] <...> У меня горе — пропал весь мой дневник за весь летний период. Старик его, видимо, выбросил как тяжелую вещь. В пургу, больная, искала тетрадь в снегу, но безуспешно [Кузнецова 1948–1951: 334].

17 сентября 1949 г. Тымнэнэнтын, завершая годовой цикл, вновь подкочевал к проходившей на побережье Ванкаремской ярмарке. В.Г. Кузнецова не осталась на побережье, не отправилась в Ванкарем.

Рис. 43. С двумя чайниками Гувакай отправляется за водой для кипячения чая на новом месте после закончившейся перекочевки. Ее дочь Омрывакатгавыт устанавливает ярангу. Под меховым комбинезоном Гувакай одета белая матерчатая (мужская) рубашка. МАЭ РАН. И 1454-107